

Ермолович, В. И. Эволюция институтов брачно-семейного права средневековой Сербии / В. И. Ермолович // Российские и славянские исследования: науч. сб. / Белорус. гос. ун-т.; А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. – Минск, 2008. – Вып. 3. – С. 101–106.

В. И. Ермолович

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТОВ БРАЧНО-СЕМЕЙНОГО ПРАВА СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ

Брачно-семейное право средневековой Сербии является типичным образцом становления и развития этой отрасли права в славянских странах. Элементы брачно-семейных отношений формировались у населения, приживавшего на территории Древнесербского государства в рамках правового обычая и судебной практики.

Способы заключения брака. Самым древним способом было похищение невесты женихом. Похищение женщин, как способ заключения брака, был известен сербам и хорватам с древних времен и практиковался до конца XIX в., несмотря на жесткие санкции государства. Так, ст. 51 Бистричского и ст. 52 Призренского списков «Законника Стефана Душана» предусматривали суровые наказания за указанные действия: «Если властелин похитит властелицу, отсечь ему обе руки и отрезать нос. Если же серб (свободный крестьянин) похитит властелицу, то будет повешен. Если похитит равную себе, отсечь ему руки и отрезать нос» [1, с. 185; 2, с. 34–35].

Об использовании даного обычая при заключении брака в Древней Руси свидетельствует ст. 2 Краткой редакции «Устава князя Ярослава» (середина XI в.). Она гласит: «Аже, кто умчить девку или насилить, аже боярская дчи, за сором ей 5 гривен золота, а епископу 5 гривен золота; а меньших бояр гривна золота, а епископу гривна золота; добрых людеи за сором 5 гривен серебра, а епископу 5 гривен серебра; а на умычницех по гривне серебра епископу, а князь казнить их» [3, с. 168]. Эта статья направлена против языческого обычая умыкания невест и оговаривает два случая: добровольное и насильственное умыкание. Обращает внимание, что добровольное умыкание приравнивается к насильственному по тем последствиям, которые наступают для жениха, а на женщину возлагается роль союзницы церкви в борьбе с языческими браками, так как в любом случае женщина получала вознаграждение, равное сумме штрафа в пользу епископа. Тем самым церковь прививала взгляд о законности лишь церковного брака. Церковная санкция носит здесь имущественный характер, причем взыскания налагаются не только на жениха, но и на соучастников умыкания, которые обязывались платить по гривне серебра епископу [3, с. 173].

Размер денежных взысканий устанавливался ст. 2 Устава в зависимости от социального положения женщины, причем женщины только свободного состояния. В статье не упоминается дочь родителей из простой чади. Видимо, такая умычка расценивалась как посягательство на собственность господина. Обращают внимание непомерно высокие ставки денежных взысканий. Одна золотая гривна в XI в. равнялась по ценности слитку золота весом 160 граммов [3, с. 174]. До нас дошел старый славянский обычай мешать жениху войти в дом невесты. Он известен белорусам, русским, украинцам, болгарам и сербам. При этом, преодолевая сопротивление близких невесты, друзья жениха у болгар и сербов по обычаю были вооружены.

Наряду с похищением, другим распространенным способом заключения брака была покупка жены. Нередко выкуп вносил жених или представители его рода с целью возмещения убытков семье невесты и предотвращения кровной мести. Типичным выкупом в Сербии за будущую жену была передача женихом обуви и одежды семье невесты. При этом следует иметь в виду, что у формирующегося господствующего класса феодалов уже в период раннего средневековья выкуп превратился в архаический пережиток прошлого, так как для властелича, который жил за счет эксплуатации чужого труда, женщина уже не являлась предметом рабочей силы. Это стало причиной формирования в раннефеодальной Сербии института приданого.

С другой стороны, классовая дифференциация в сербском раннефеодальном обществе повлекла за собой массовое разорение крестьянства. Уплата выкупа за невесту стала вызывать большие затруднения. Именно поэтому широкое распространение получил третий способ заключения брака, когда невеста сама переходила в дом жениха. Данное положение исключало необходимость вносить выкуп ее семье.

В настоящее время нельзя точно говорить об обязательных условиях признания действительным языческого брака. Остается неизвестным возрастной ценз жениха и невесты для бракосочетания. Не выяснена и степень кровного родства, которая могла бы стать препятствием для вступления в брак. Однако, крайне мягкие санкции за кровосмешение, которые предусматривал «Закон Судный Людем» по сравнению с «Эклогой», где предусматривалось разлучение вместо смертной казни, позволяет судить о том, что языческое право не ограничивало заключение браков между родственниками. Например, ст.14 Софийского списка «Закона Судного Людем», устанавливая новые правила бракосочетания, не могла игнорировать множество имевшихся браков среди современников по языческому обряду, а значит, не могла вводить суровые санкции в отношении брачных союзов среди родственников [4, с. 95].

Языческое право позволяло иметь нескольких жен на законном основании, о чем свидетельствует ст. 15 «Закона Судного Людем» [4, с. 95]. Однако такую возможность имели только представители разбогатевшей родовой и служилой аристократии. У крестьян подобные обычаи и традиции прижиться не могли в силу их бедности.

С принятием христианства правовая регламентация брака изменяется. Контроль церкви за институтом брака стал инструментом усиления влияния церкви как на отдельную личность, так и на общество в целом. Поэтому брак ею был провозглашен таинством. Его заключение стало осуществляться на основе специального церковного обряда — венчания.

Первоначально венчание не являлось обязательным обрядом для христиан. В Сербии венчание стало обязательным в X—XI вв. Заключение брака между лицами христианского вероисповедания было достаточным основанием, чтобы считать его христианским браком. Он заключался на основании простого соглашения сторон и их родителей, и для его законности не нужно было церковного благословения. Следовательно, брак между язычниками становился недействительным. Более того, поскольку языческий брак сопровождался определенным религиозным ритуалом, то даже и сурово наказывался. Ст. 1 «Закона Судного Людем» гласит: любое село, в котором совершаются языческие обряды, должно быть отдано «божьему храму» со всем его имуществом [4, с. 89]. Уместно отметить, что хотя церковь и провозгласила брак таинством, она не смогла изменить его прежней сущности купли-продажи. Брак,

особенно среди представителей господствующего класса, по-прежнему оставался браком по расчету, на что указывают брачные нормы «Эклоги».

Помолвка — это взаимное обещание мужчины и женщины о вступлении в брак. Согласно славянской редакции «Эклоги», помолвка была правомерной, если заключавшие ее были православными, им исполнилось семь лет и было согласие на брак со стороны их родителей (Славянская «Эклога», титул I, ст. 1) [6, с. 41]. «Эклога» предусматривает и возможность расторжения помолвки. В этом случае виновный дары, которые он сделал при заключении помолвки, и возвращал в двойном размере то, что он получил от противоположной стороны. О браке по расчету говорит и другое постановление «Эклоги», также относящееся к помолвке. Если жених откладывал заключение брака в течение двух лет, то невеста могла вступить в брак с другим и удержать предбрачные подарки, которые сделал ей первый жених.

Источники средневекового сербского права определяют ряд условий правомерного заключения брака. Главным условием было достижение определенного возраста. Славянская редакция «Эклоги» и «Номоканон Святого Саввы» («Кормчая книга») определили брачный возраст для мужчин 15 лет, для женщин — 13 лет [6, с. 22].

Есть основания утверждать, что эти нормы были актуальны и для средневекового русского права. Только в собрании Государственного исторического музея в Москве находится на хранении 12 рукописей «Эклоги», датированных XIV—XVI вв. [7]. Наиболее древний список «Эклоги», который имел хождение в русских землях, датируется XIII в. Он является составной частью Дечанского списка «Номоканона», который был реципирован в русское средневековое право из сербского источника. Этот факт был установлен историком Я. Н. Шаповым в 70-е гг. XX в. [8, с. 132]. Следовательно, «Эклога» на территории средневековых русских княжеств была, как в Сербии и Болгарии, достаточно известным источником права. Закономерным является тот факт, что Стоглавый собор в 1551 г. придал силу закона реципированной из «Эклоги» юридической норме, которая уже давно фактически применялась на Руси.

Таким образом, брачный возраст, который являлся критерием наступления дееспособности для физического лица, в Русском государстве с 1551 г. наступал для мужчин в 15 лет [9, с. 287]. Брачный возраст, установленный Стоглавым собором, соблюдался до XVIII в. Он был изменен Петром I, установившим своим указом брачный возраст; для мужчин 20 лет, для девушек — 17 [9, с. 437]. Поскольку церковь ведала регистрацией браков, норма Стоглава была изменена для девушек лишь указом Святейшего Синода 17 декабря 1774 г. Последний повысил их брачный возраст до 18 лет. Окончательно это постановление отменил царский указ 19 июля 1830 г., установивший брачный возраст для мужчин — 18, а для женщин — 16 лет.

Другим важным условием для заключения брака было согласие родителей. В этом требовании закона отражена сущность феодального брака — брака по расчету. Определяющее заключение имели имущественные соображения родителей жениха и невесты, которым, в особенности отцу, принадлежало решающее слово. Согласно нормам славянской «Эклоги», брак заключался после получения согласия родителей.

«Эклога» запрещает вступать в брак близким родственникам. Родство по прямой линии было безусловным препятствием для брачного союза, а родство по боковой линии запрещало брак только до шестой степени родства, т. е. троюродные братья и сестры не могли вступать в брак [5, с. 45]. «Эклога» препятствовала заключению

брака и между свойственниками. Нельзя было жениться на матери, дочерях и сестрах своей жены. Данное положение касалось и жены. По нормам «Эклоги» препятствием для вступления в брак было и духовное родство. Крестный отец и его крестница, крестная мать и ее крестник не могли вступать в брак. Характерной санкцией для ослушников согласно ст. 8 «Закона Судного Людем» было телесное наказание: если кто-либо женится на своей куме, то ему отрезали нос [4, с. 93].

«Эклога» не предусматривала обряд церковного венчания в качестве условия законности брака. Этот обряд был введен в средневековой Сербии в XIII в. архиепископом Саввой Неманичем и стал обязательным для всего населения страны на основании правовой нормы, закрепленной в ст. 3 «Законника Стефана Душана», которая гласит: «И ни один брак да не совершится без венчания, и если же совершится без благословения и церковного опроса, такой да расторгнется» [1, с. 172]. Если нарушалось положение ст. 3, то вступала в силу ст. 9 Законника, которая гласила: «И если окажется еретиком оженившийся на христианке, то если он захочет, пусть крестится и переходит в христианство, иначе лишится он жены и детей своих, передав при этом им часть своего имущества, а сам будет изгнан» [2, с. 12]. Тем самым ограничивалась правоспособность ряда лиц, что было вызвано желанием верховной власти пресечь распространение ереси. Вместе с тем из указанной статьи следует, что еретик не имел права состоять в браке с христианкой, но при этом их брак признавался правомерным при условии принятия мужем православия.

Взаимоотношения членов феодальной семьи. Христианский брак предоставлял формальное равноправие мужчине и женщине, которое в экономическом положении супругов сводилось к следующему. Жена могла иметь свое имущество отдельно от имущества мужа. Муж, в свою очередь, должен был хранить нетронутым приданое жены («Эклога», титул II, ст. 3; Славянская «Эклога», титул II, ст. 3). Муж не имел права распоряжаться личным имуществом жены и отчуждать его. Кредиторы мужа не имели права посягать на приданое жены. Ст. 4, титул X «Эклоги» гласит: «Если кто-нибудь, имея жену, возьмет займы у кого-либо и не в состоянии будет вернуть долг, то его жена не отвечает за него и не платит займодавцу из своего приданого, кроме тех случаев, когда будет установлено, что она добровольно задолжала вместе со своим мужем» [5, с. 59]. После смерти мужа ни его кредиторы, ни даже представители государственной казны не имели права входить в его дом и брать что-либо до тех пор, пока жена не возьмет свое приданое («Эклога», титул III, ст. 2; Славянская «Эклога», титул III, ст. 2). Как видим, права жены на ее приданое имели преимущество даже перед правами государственной казны.

В патриархальной сербской семье власть отца была весьма велика. Он мог прибегать к телесным наказаниям своих детей, изгонять их из дому и даже продавать в рабство. С заменой патриархальной семьи на моногамную, власть отца была значительно ограничена. Он сохранил свою дисциплинарную власть в семье, но не мог подвергнуть детей тяжелым телесным наказаниям, влекущим за собою увечья.

По сербскому феодальному праву отцовская власть продолжала существовать до тех пор, пока сохранялась экономическая зависимость сына или дочери от родителей, не взирая на их возраст. Родительская власть осуществлялась до женитьбы сына или выхода замуж дочери. Она, следовательно, не зависела от достижения совершеннолетия последними. Полную дееспособность дети и другие члены нисходящей вет

ви рода приобретали во время самостоятельной жизни, т. е. когда они становились сами главами семей. До этого времени дети должны были слушать своих родителей и подчиняться их воле. Об этом гласит и ст. 6 титула II «Эклоги», которая воспроизводит христианское предписание о взаимоотношении детей и родителей: «Делом и словом почитай отца своего и мать свою для того чтобы дошло до тебя их благословение, так как отцовское благословение укрепляет дома детей, а материнское проклятие подрывает их основы» [5, с. 47]. Впрочем, «Эклога» лишь узаконила существующее положение вещей. Почитание детьми своих родителей и повиновение им существовало еще до установления христианского брака.

Весьма важным и актуальным положением ст. 6 титула II «Эклоги» является предоставление права детям от первого брака овдовевшей и вышедшей вторично замуж матери требовать от нее имущество своего отца. Данное право предоставлялось детям от первого брака и в отношении их овдовевшего отца, который женился вторично [5, с. 46]. Однако в этом случае дети должны быть уже совершеннолетними. С целью защиты прав детей от первого брака «Эклога» предусматривает, что муж не имеет права подарить своей второй жене имущество, в которое включается доля детей от первого брака (Славянская «Эклога», титул II, ст. 7) [6, с. 45].

В случае смерти отца над малолетними детьми устанавливалась опека со стороны лица, которое заменяло умершего в его заботах о них. Согласно ст. 5 титула II Славянской «Эклоги», если, «имея детей, муж умрет раньше своей жены, т. е. матери детей, то жена является собственником... всего имущества мужа и несет все заботы по управлению домом» [6, с. 45]. Следовательно, забота о детях, рожденных в браке, возлагалась на вдову и опека не назначалась. К назначению опекуна прибегали в случае смерти обоих родителей. Однако данная норма была характерна только для небольшой индивидуальной семьи. В задруге, где об оставшихся несовершеннолетних детях заботились все члены большой семьи необходимости в назначении опекуна не было, так как все члены задруги были представлены в своих отношениях с третьими лицами главой задруги — старейшиной.

Основания расторжения брака. В семейно-брачном праве средневековой Сербии был известен институт развода. До принятия христианства в языческом браке инициатива развода принадлежала только мужу – главе патриархальной семьи, так как бесправное положение жены в семье не позволяло ей реализовать в жизнь подобную инициативу. С принятием христианства правовая регламентация развода изменилась. Предусматривалось, что развод может требовать как муж, так и жена. Однако фактическое положение было совсем иным. Жена очень редко могла пользоваться предоставленными ей правовыми нормами с целью расторжения брака. «Эклога» предусматривает несколько оснований для развода, которые относятся как к мужу, так и к жене. Например, если муж или жена совершат попытку убить один другого (посягнули на жизнь), то супруг (или супруга), ставший объектом посягательства, может требовать на законном основании расторжения брака. Это правило действовало и тогда, когда один из супругов заболел венерическим заболеванием.

Наряду с этими основаниями, которые относились к обоим супругам, были и другие, имевшие значение только для мужа или только для жены. Так, прелюбодеяние жены являлось поводом для развода, а прелюбодеяние мужа таковым не являлось. С другой стороны, «Эклога» предусматривает, что импотенция мужа в течение

трех лет с начала заключения брака служит поводом для развода («Эклога», титул II, ст. 15; Славянская «Эклога», титул II, ст. 9) [5, с. 49; 6, с. 46]. Помимо оснований, установленных «Эклогой», в «Номоканоне»

(«Кормчей книге») предусмотрены и другие основания развода: трехлетнее отсутствие мужа или жены, душевная болезнь, венерическое заболевание супруга, пьянство мужа и истязание им своей жены [10, с. 35, 37]. Установленные «Номоканон» («Кормчей книгой») основания развода и сегодня, в начале XXI в., закреплены нормами действующего брачно-семейного права сербского государства [11, с. 294—296]. Развитие феодальных отношений в средневековом Сербском государстве стимулировало дальнейшее развитие институтов брачно-семейного права. Однако в XV в. процесс был прерван османским завоеванием и введением новых норм права. Система средневекового сербского права, в том числе и брачно-семейного, прекратила свое существование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Законик цара Стефана Душана: Студенички, Хиландарски, Ходошки и Бистрички рукопис / Уредник академик М. Беговић. Београд: Српска Академија наука и уметности, 1981. Књ. II. 300 с.
2. Призренский список «Законника Стефана Душана» // Зигель, Ф. Законник Стефана Душана / Ф. Зигель. СПб. : Императорский С.-Петербургский университет, 1872. С. 9—115.
3. Устав князя Ярослава о церковных судах. Краткая редакция // Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1. М. : Юрид. лит., 1984. С. 167—188.
4. Закон Судный людем пространной и сводной редакции / под ред. М. Н. Тихомирова. М. : АН СССР, 1961. 281 с.
5. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Вступ. ст., перевод, комментарий Е. Э. Липшиц. М. : Наука, 1965. 226 с.
6. Ермолович, В. И. Право средневековой Сербии (XII—XV вв.) / В. И. Ермолович. Минск : БГЭУ, 2003. 119 с.
7. Фонды Государственного исторического музея г. Москвы. Инвент. номер коллекции 322/445.
8. Шапов, Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. / Я. Н. Шапов. М. : Наука, 1978. 292 с.
9. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 2. М. : Юрид. лит., 1985. 520 с.
10. Петровић, М. Крмчија Светога Саве о заштити обесправљених и социјално угрожених / М. Петровић. Београд, 1990. 96 с.
11. Перић, Д. Црквено право / Д. Перић. Београд: Центар за публикације: Досије, 1999. 343 с.

SUMMARY

The evolution of the main institutes of marriage and family law of Serbs and other South Slavic peoples that lived on the territory of Serbian state in the epoch of the Middle Ages has been considered in this article. The scientific publication has been prepared on the basis of the analysis of medieval sources of Serbian law and modern historical and legal literature. Prizrensky, Bistrtsky and Khodoshsy lists of «Stephan Dushan's Code of Laws» have been analysed in the article. The text «St. Savva's Nomocanon», which was adopted into Russian law at the end of the 13th century, was also used. The subject of research is the institutes of entering into a marriage, the mechanism of regulating relations among members of a family and the institute of dissolving a marriage. Marriage and family relations of Serbs and other South Slavic peoples under conditions of functioning of the norms of legal custom and medieval Serbian law are considered in the article. The influence of Roman law on forming the home marriage and family law of medieval Serbia has also been considered. The comparative analysis of a number of norms of medieval Serbian and Russian law, made by the author of the article, allows to assume the fact of adopting a number of norms of Serbian marriage and family law into medieval Russian law.